

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ

В нескольких прошлых лекциях мы видели, что единственным путем выхода из глубочайшего экономического кризиса, потрясшего в начале 30-х гг. капиталистический мир, стало резкое усиление роли государства в экономике и социальных отношениях. Мы уже подробно охарактеризовали две основные модели государственного регулирования, возникшие в 30-х гг.

Одной из них стала тоталитарно-фашистская модель, классический вариант которой был создан в нацистской Германии. Эта модель, как мы видели, оказалась довольно эффективной в экономическом отношении, обеспечив значительный подъем экономики, создание сильного военного потенциала. Она сумела обеспечить и достаточную социальную стабильность общества. Однако нацистский вариант продемонстрировал реакционно-экстремистский путь выхода из кризиса. Будучи ориентирована на развязывание новой мировой войны в целях завоевания мирового господства, нацистская Германия вызвала ответные военные удары стран антигитлеровской коалиции и в 1945 г. потерпела крах. Чудовищные преступления фашизма полностью скомпрометировали тоталитарную модель государственного регулирования.

Другой важнейшей моделью государственного регулирования стала либерально-реформистская модель. Ее классический вариант был создан в 30-х гг. в Соединенных Штатах Америки в период Нового курса правительства Рузвельта. Активное государственное регулирование экономики с целью укрепления корпоративной структуры производства, преодоления кризиса и упрочения основ капиталистического строя сочеталось в этой модели с решительными либеральными реформами, с предоставлением народу ряда важных социальных прав, с созданием системы социальной защиты населения. Либерально-реформистская модель стала магистральным путем развития государственного регулирования после второй мировой войны, что и превратило современное капиталистическое общество в государственно-регулируемое и социально ориентированное общество.

Вариантом этой модели уже в 30-е гг. стала социал-демократическая модель государственного регулирования. Она сложилась в странах, отличавшихся от США относительно меньшей прочностью частнособственнических основ, более сильным рабочим движением, прочными позициями социал-демократии. Ее характерными признаками стали не только большая глубина социально-экономических преобразований, но и выдвигание идеи социализации экономики, проведение программы национализации ряда отраслей промышленности и транспорта. В лекциях

об основных проблемах истории 30-х гг. мы уже говорили, что социал-демократический вариант государственного регулирования с наибольшей четкостью был представлен в Скандинавских странах. Конкретный материал об этом варианте вы найдете в главе учебника, посвященной буржуазному реформизму.

Мы же рассмотрим в нашем лекционном курсе еще одну модель государственного регулирования. Она была создана в 30-х гг. в тех странах, где к наличию массового рабочего движения и прочных позиций социал-демократии присоединился еще один фактор - развитие сильного коммунистического движения. Важный импульс этому дали происшедшая в 30-х гг. решительная переориентация международного коммунистического движения, отказ от прежних сектантско-догматических стратегических установок, выдвижение новой, реалистической стратегической линии борьбы. В этих условиях силами коммунистов, социал-демократов и других левых партий в некоторых странах и была применена особая форма государственного регулирования экономики и социальных отношений. Характерным примером этой радикально-демократической модели государственного регулирования стала политика Народного фронта во Франции.

Изучение истории Народного фронта во Франции дает возможность найти ответ на ряд чрезвычайно важных вопросов. Прежде всего, это приближает нас к пониманию тесной зависимости конкретной формы государственного регулирования в той или иной стране от ее исторических особенностей и традиций и от сложившейся в 30-х гг. конкретной социально-экономической и политической обстановки.

В самом деле, в двух соседних европейских странах - Германии и Франции - тяжелейший экономический кризис начала 30-х гг. вызвал во многом аналогичные последствия: чрезвычайную политическую ситуацию, стремление верхов общества переложить тяжесть кризиса на народные массы, усиление консерватизма правительственной политики и неизбежно связанное с этим стремление верхов к ограничению строя парламентской демократии. Однако итог политического развития этих двух стран был принципиально различен: в Германии был установлен тоталитарный нацистский режим, а во Франции, напротив, был создан и одержал победу антифашистский Народный фронт, принесший народу крупные демократические преобразования. В чем причины такого кардинального отличия развития Франции и Германии в 30-х гг.? Дать ответ на этот вопрос можно, только углубившись в особенности исторической эволюции и хода конкретной политической борьбы тех лет в этих двух странах.

Внимательное изучение истории Народного фронта во Франции важно и потому, что в историографии даются различные, а то и абсолютно противоположные оценки его сущности и значения. В левых кругах и в различных направлениях прогрессивной историографии дается, как

правило, высокая оценка вклада Народного фронта. В трудах представителей прогрессивной немарксистской историографии он предстает как важный шаг на пути превращения Франции в современное цивилизованное постиндустриальное общество. В марксистской и особенно в коммунистической историографии демократические преобразования Народного фронта оцениваются как крупная заслуга Французской коммунистической партии, как важный шаг к созданию своеобразной революционно-демократической формы власти, создающей предпосылки для последующей социалистической трансформации общества.

Напротив, в консервативной французской историографии и даже в ряде трудов либеральных историков Народный фронт оценивается не как прогресс в развитии Франции, а как упадок, как "неудачный социальный эксперимент", а то и как "красный кошмар". Утверждается, что Народный фронт расколол Францию, ослабил ее экономику, ослабил ее военные силы и в конечном счете привел к ее поражению во второй мировой войне.

Встает вопрос: где истина? Для ответа на него необходимо, опираясь на ценные труды таких отечественных историков, как Ю. И. Рубинский, В. П. Смирнов, Е. А. Кунина, Ю. В. Егоров и др., подробно проанализировать экономическую и социально-политическую обстановку во Франции в начале 30-х гг., как исходный пункт социально-политической борьбы в стране, приведшей к созданию Народного фронта.

* * *

Как и другие страны, Франция в начале 30-х гг. оказалась до основ потрясенной глубочайшим экономическим кризисом. Но ход и характер кризиса отличались во Франции существенными особенностями. Прежде всего, экономический кризис начался во Франции позже, чем в других странах: не летом или осенью 1929 г., как это было в Германии, Англии и США, а лишь осенью 1930 г. Это объяснялось рядом важных особенностей развития Франции в период от окончания первой мировой войны и до конца 20-х гг. Прежде всего, как мы уже отмечали в лекции о стабилизации 20-х гг., Франция переживала в этот период довольно значительный промышленный подъем. Промышленное производство во Франции к концу 20-х гг. примерно на 40% превысило довоенный уровень. В основе этого лежали возвращение Франции высокоиндустриальных районов Эльзаса и Лотарингии и техническая реконструкция тяжелой промышленности, связанная с нуждами восстановления разрушенных в годы первой мировой войны департаментов северо-востока страны.

Важным преимуществом Франции было и то, что в течение всего периода 20-х гг. она получала крупные репарационные платежи. Это был дополнительный источник ресурсов французской буржуазии, дополнительный источник процесса индустриализации.

Наконец, для всего периода 20-х гг. отличительной чертой развития Франции были особо крупные военные расходы, связанные с поддержанием сильной сухопутной армии и со строительством военных укреплений на границе с Германией - "линии Мажино".

Все эти факторы, форсировавшие рост промышленного производства, в той или иной степени оттягивали кризис, способствовали более позднему его наступлению. Более того, в результате действия этих факторов само влияние кризиса проявилось во Франции слабее, чем, например, в Германии, он был менее глубоким, менее разрушительным.

Но тем не менее и влияние процесса индустриализации, и дополнительные финансовые вливания за счет репараций, и стимулирующее воздействие военных расходов - все это были конъюнктурные факторы, влияние которых стало быстро исчерпываться. Более важной и характерной для Франции особенностью экономического кризиса стало то, что он приобрел особо затяжной характер.

Почему? Это объяснялось действием более долговременных факторов, связанных с особенностями исторического развития Франции, с особенностями характерной для нее социально-экономической структуры. Прежде всего, Франция отличалась от других крупнейших стран значительно меньшей емкостью внутреннего рынка в связи с чрезвычайно высоким удельным весом мелкособственнических слоев в городе и особенно в деревне. Известно, что Великая французская революция решительно уничтожила феодальные повинности, но отнюдь не преодолела малоземелье основной массы крестьян. Для французского сельского хозяйства был характерен высокий удельный вес парцеллярного крестьянства, товарность которого была чрезвычайно низкой. Преобладание мелкого производства было характерно и для промышленности, особенно в таких специфических для Франции отраслях легкой промышленности, как производство модного платья, предметов роскоши, и других аналогичных отраслях. Отличительной особенностью Франции, связанной с высоким удельным весом мелкого производства, были меньшие по сравнению с США и Германией масштабы концентрации производства, относительно небольшие размеры инвестиций в промышленность. Французские капиталы охотнее вкладывались не в отечественную промышленность, а во внешние займы. Это придавало французскому корпоративному капиталу ростовщический характер.

В условиях экономического кризиса меньшая емкость внутреннего рынка приводила к очень медленному рассасыванию товарных запасов, а значит и к затягиванию кризиса.

Низкая конкурентоспособность французской промышленности определяла такую характерную черту правительственной экономической политики во Франции, как строгий таможенный протекционизм. Преобладание высоких таможенных пошлин на ввоз иностранных товаров

неизбежно влекло за собой относительно высокий уровень цен на внутреннем рынке, что опять-таки способствовало затягиванию кризиса.

Наконец, Франция была страной с особой силой банковского, ростовщического капитала. Представители верхушки финансового капитала и миллионы держателей ценных бумаг, в том числе обширный слой рантье, - все эти слои препятствовали обесценению валюты. Во Франции и в годы кризиса сохранялся золотой стандарт, тогда как от него вынуждены были отказаться и Германия, и Англия, и Соединенные Штаты. Это неизбежно вело к сохранению низкой конкурентоспособности французских товаров, слабому развитию экспортной торговли, что опять-таки создавало дополнительные преграды преодолению кризиса.

Все это обусловило иную картину развития экономического кризиса во Франции по сравнению с другими странами. Правда, как и в других странах, наибольшая глубина экономического кризиса была достигнута во Франции в 1932 г., когда общий объем французской промышленной продукции составлял 70% уровня 1930 г. В следующем, 1933 г. опять-таки как и в других странах, промышленное производство стало увеличиваться, достигнув 77% докризисного уровня. Но затем, когда и в США и в Англии в течение 1934-1935 гг. рост промышленной продукции хотя и медленно, но все же продолжался, во Франции произошло новое, еще более сильное обострение кризиса. В 1934 г. объем продукции французской промышленности вновь упал до 72% уровня 1930 г., а в 1935 г. обозначился второй апогей экономического кризиса, когда индекс промышленной продукции составил 69% докризисного уровня. Таким образом экономический кризис во Франции, начавшийся позже, чем в других странах, продолжался значительно дольше, и применительно к Франции можно говорить не о кризисе 1929-1933 гг., а о кризисе 1930-1935 гг.

Только в 1936 г. Франция стала постепенно выходить из кризисной фазы экономического цикла, но сменившая ее депрессивная фаза так и не перешла в форму промышленного подъема. А со второй половины 1937 г. Франция вступила в полосу нового экономического кризиса, от последствий которого она так и не смогла оправиться вплоть до начала второй мировой войны. Следовательно, в течение всего периода 30-х гг. французская экономика находилась либо в кризисном, либо в депрессивном состоянии, а это, разумеется, не могло не порождать серьезные трудности в политической жизни страны.

Как и в других странах, экономический кризис резко ухудшил положение всех слоев трудящихся - рабочих, крестьян, городских средних слоев. В начале 30-х гг. произошло сильное обострение классовых противоречий, как и в других странах, развернулись традиционные для периода кризиса формы борьбы: демонстрации и походы безработных, борьба рабочих против сокращения заработной платы, сопротивление крестьян, мелких торговцев и ремесленников распродаже их имущества за неуплату долгов.

Активировалась деятельность рабочих партий. Социалистическая партия Франции, или, как гласило ее официальное название, "Французская секция рабочего интернационала" (Section Française del International Ouvrier - СФИО), во главе которой стояли видные деятели французского и международного социалистического движения Леон Блюм, редактор центрального органа партии газеты "Полюлер", и Поль Фор, генеральный секретарь СФИО, - усилила свою политическую деятельность в парламенте и во внепартийной борьбе.

В 1930 г. начался новый, гораздо более позитивный этап и в деятельности Французской коммунистической партии, когда к ее руководству пришла группа деятелей, приступивших к преодолению наиболее одиозных проявлений сектантства в рядах партии, взявших курс на установление связи с массовым рабочим движением, с рядовыми членами СФИО. В эту группу входили Морис Торез, Жак Дюкло, Марсель Кашен, Пьер Семар и другие.

Действия левых партий имели тем большее значение, что в условиях чрезвычайной экономической ситуации, обострения социальных противоречий и роста классово-борьбы произошли важные изменения в политике верхов общества. В социально-экономическом курсе правительства наметился сдвиг к консерватизму, обозначилось стремление к перекладыванию тягот кризиса на плечи народных масс. В условиях Франции это происходило путем отказа от традиционной либеральной политики *laissez faire*, усиления государственного вмешательства в экономику, перехода к консервативным и даже реакционным формам дирижизма.

В начале 30-х гг. влиятельные группы французского корпоративного капитала и их политические представители в парламенте и в правительстве взяли курс на ограничение режима парламентской демократии и на переход к авторитарно-диктаторским методам управления страной. Представители правобуржуазных партий - Андре Тардьс, Пьер Лаваль и другие - требовали пересмотра французской конституции, ограничения прерогатив парламента и наделения президента республики чрезвычайными полномочиями с целью создания в стране сильной власти. С наибольшей последовательностью эта программа была изложена в книге А.Тардьс "Час решения", которая была опубликована в 1932 г.

Таким образом, в политической жизни Франции в начале 30-х гг. проявилась по сути дела та же тенденция, что и в соседней Германии, - переход значительной части верхов на позиции консервативного экстремизма. На этой основе вырисовывалась и еще более серьезная опасность: во Франции возникло и стало быстро развиваться реакционно-фашистское движение.

Тезис о серьезной угрозе фашизма во Франции в 30-х гг. - одно из важных положений марксистской историографии. В трудах историков - марксистов отмечались и существенные особенности фашистского

движения во Франции. Прежде всего, французский фашизм стал активно развиваться значительно позже, чем в Италии и Германии. В крупную политическую силу он стал превращаться только в 1933-1934 гг., т.е. уже после того, как германский нацизм, придя к власти, воочию показал свою реакционную, антинародную сущность, осуществив разгром левых партий, бросив в концлагеря всех недовольных, развернув позорные еврейские погромы. Эти акции германского нацизма вызвали крайне негативную реакцию общественного мнения Франции, страны давней парламентской демократии и широких политических свобод. В этих условиях руководители реакционно-экстремистских групп и движений предпочитали открещаться от фашизма, от родства с ним. Марксистская историография квалифицировала поэтому французское реакционно-фашистское движение как "стыдливый фашизм".

Реакционно-экстремистское движение во Франции существенно отличалось от германского и итальянского фашизма по своим целям и конкретной программе действий. Его целями были не разрушение парламентского строя, не слом государственного аппарата буржуазной демократии, а ограничение парламентаризма: пересмотр конституции, сокращение функций парламента, значительное расширение полномочий исполнительной власти, и прежде всего президента республики, установление авторитарного строя.

В отличие от германского и итальянского фашизма реакционно-фашистские организации Франции не имели плебейского характера. Во главе их находились не выходцы из социальных низов, а представители аристократии, корпоративного капитала, высших военных кругов. В соответствии с этим идеология реакционно-экстремистских групп была устремлена не в будущее, а в прошлое, во времена Старого порядка или бонапартизма Второй империи. Для нее совсем не было характерно выдвигание "революционных" целей, даже в форме идей "консервативной революции", "социалистического" идеала, даже в националистической оболочке. Французским фашистско-реакционным группам в значительно меньшей степени была свойственна социальная демагогия.

Наконец, реакционно-фашистское движение во Франции было раздробленным, оно не объединилось в сильную единую партию, как это произошло в Италии и Германии. Наиболее крупными и влиятельными были следующие политические группировки реакционно-экстремистского характера. Во-первых, "Action Française". Она была создана еще в конце XIX в., в период борьбы вокруг "дела Дрейфуса" как монархическая, националистическая и клерикальная организация. Своей целью "Action Française" ставила установление "порядка" в противовес "парламентской анархии", а средствами достижения этих целей считала "крест и корону", т.е. реставрацию монархии с опорой на католическую церковь. В соответствии с этим утверждалось, что вся история Франции после 1789 г. была сплошной историей упадка страны.

Среди участников движения, объединившихся вокруг "Action Française", было много обедневших дворян, офицеров, чиновников, представителей "золотой молодежи" и студенчества. К нему примыкала часть аристократических кругов, его поддерживали некоторые представители высокопоставленных военных кругов, группировавшиеся вокруг маршала Петэна. Во главе "Action Française" стоял весьма популярный в реакционных кругах журналист Шарль Моррас, в 30-е гг. избранный членом Французской академии. Лидеры "Action Française", как правило, не прибегали к социальной демагогии, защите социальных прав "маленьких людей". Чаще они эксплуатировали самые низменные предрассудки обывателей, вели отъявленную антисемитскую пропаганду. В начале 30-х гг. они вступили на путь создания вооруженных отрядов молодежи. По мере обострения политической ситуации в стране активность этой группы "королевских молодчиков" все более возрастала.

Второй реакционно-фашистской группой во Франции стала Лига патриотической молодежи, которая была создана в 1924 г. Пьером Теттенже, членом парламента, крупным промышленником, владельцем ряда парижских универмагов и фирм шампанских вин. Идеалом Теттенже была империя Наполеона III. В соответствии с этим в программу Лиги входили требования ревизии конституции, усиления исполнительной власти, под эгидой которой предполагалось добиться сотрудничества классов и создания в этих целях корпоративного строя. Лидеры Лиги патриотической молодежи в большей, нежели руководители "Action Française", степени использовали методы социальной демагогии. В начале 30-х гг. они также стали на путь создания мобильных вооруженных отрядов по 2-3 тыс. человек для быстрой переброски их автотранспортом туда, где они окажутся необходимыми.

Наконец, главную силу реакционно-экстремистского движения во Франции представляли "Боевые кресты". Эта организация возникла в 1928 г. как объединение бывших фронтовиков. Во главе ее стал полковник граф Казимир де ла Рок, выходец из знатного, но обедневшего дворянского рода. Особой чертой "Боевых крестов", отличавшей их от других реакционно-экстремистских организаций, была всячески афишируемая аполитичность, стремление отмежеваться от традиционных парламентских группировок, как левых, так и правых, стать выше тех и других. Целью "Боевых крестов" было вернуть Франции ее былое величие. В агитации ее лидеров постоянно подчеркивались умеренность "Боевых крестов", приверженность "порядку", который эта организация, по словам де ла Рока, намерена была не нарушать, а охранять от всякого рода "смутьянов". Поэтому основным лозунгом, который она выдвигала, было "уважение к чести, порядку и собственности". Лидеры "Боевых крестов" также приступили к созданию военизированных отрядов, состоявших в основном из бывших солдат, ветеранов войны и руководимых бывшими

офицерами. Были установлены широкие связи с высшими военными кругами.

Таким образом, реакционно-экстремистское движение во Франции, усилившееся в начале 30-х гг., существенно отличалось от реакционных фашистских движений в Германии и Италии. На этом основании многие представители французской либеральной историографии вообще отрицали наличие фашистского движения во Франции. Так, например, французский историк и социолог Рене Ремон писал: "Эволюция французских мятежных лиг показывает практическую невозможность для подлинного фашизма акклиматизироваться во Франции. Вообразить, что лиги представляли собой французский фашизм, - значит принять пугало всерьез. Они позаимствовали лишь декорации фашизма, использовали его мишуру, но выхолостили его дух. Движение мятежных лиг является лишь последним воплощением старой бонапартистской закваски - цезаристской, авторитарной, плебисцитарной, приспособленной к новым вкусам национализма, подражатели которого лишь подновили его фасад кистью римского образца". После этого рассуждения Рене Ремон задавал парадоксальный вопрос: чем является движение мятежных лиг - "реакцией или фашизмом"? Ответ, который он давал на этот вопрос, был очевиден.

Для марксистской историографии такая постановка вопроса была нелепа. По ее представлениям, фашизм был крайним выражением реакции. Французское фашистское движение относилось лишь к другой разновидности фашизма - иберийской (испано-португальской), которая отличалась от классических форм фашизма преобладанием традиционалистских элементов военно-монархической, клерикальной и бюрократической реакции, а чисто фашистские движения и организации играли в ней вспомогательную роль, такую же, какую, например, играла "фаланга" во франкистской Испании.

Но, по нашему мнению, в концепции либеральной историографии и в приведенной выдержке из книги Р.Ремона есть рациональное зерно. Ведь многое зависит от того, что понимать под термином "фашизм". По нашему мнению, фашистскими движениями следует считать такие движения, которые ставили своей целью слом режима парламентской демократии, установление тоталитарной диктатуры партийно-государственной бюрократии во главе со всемогущим вождем нации в результате соединения консервативного экстремизма верхов и низов. С этой точки зрения фашистские режимы и движения как формы тоталитаризма были характерны только для Германии и Италии. Остальные формы реакционно-экстремистских движений и режимов, обычно называемые в марксистской историографии фашистскими режимами и движениями особого типа, следует, по нашему мнению, считать разновидностями авторитарных, а не тоталитарных режимов и движений. Такая характеристика приемлема для определения характера

строя, установленного в 20-30-е г. в Португалии и Испании. Она приемлема и для определения характера основных реакционно-авторитарных организаций Франции - "Action Française", "Лиги патриотической молодежи" и особенно "Боевых крестов".

Правда, в начале 30-х гг. во Франции возникли и чисто фашистские организации, выдвигавшие программу установления тоталитарного режима. Так, в 1933 г. была создана Лига франсисов, сторонники которой выступили с программой "тотальной революции", разгрома всех традиционных политических партий, замены парламентского режима централизованной корпоративной системой во главе с вождем. Руководители лиги не раз выступали с приветствиями Гитлеру и Муссолини. По примеру нацистских штурмовиков франсисы носили полувоенную форменную одежду, только не коричневого, а синего цвета. В том же 1933 г. возникла и другая чисто фашистская организация - "Французская солидарность" с аналогичной целью - установление в стране тоталитарного корпоративного строя.

Однако чисто фашистское движение во Франции было несравненно слабее, нежели в Германии и Италии. В чем причины этого? Часто при ответе на этот вопрос ограничивались простым указанием на то, что французские фашисты настолько рабски воспроизводили образцы германского нацизма или итальянского фашизма, что сколько-нибудь широкого отклика во Франции это получить не могло. Но при таком ответе остается непонятным, почему эти образцы, столь эффективные в Германии и Италии, не действовали во Франции. Глубокая причина крайней слабости чисто фашистского движения во Франции была в том, что и конкретная политическая обстановка в этой стране в 30-е гг., и давние исторические традиции были совершенно иными, чем в Германии и Италии.

Прежде всего, как мы уже говорили, для Франции были характерны значительно меньшие глубина и разрушительная сила экономического кризиса. Поэтому и степень деклассированности средних слоев населения, утери ими прежнего социального статуса, и масштабы безработицы были во Франции значительно меньшими. Следовательно, во Франции не было столь сильной люмпенизации низов общества, как это было в Германии. Немалую роль играло и то, что в распоряжении французского корпоративного капитала были такие дополнительные ресурсы, как доходы от эксплуатации колоний, проценты по иностранным займам, репарационные платежи, получаемые Францией вплоть до 30-х гг. Значит, и сила консервативного экстремизма верхов общества была во Франции несравненно меньшей.

Но, пожалуй, главной причиной слабости фашистского движения были глубокие демократические и революционные традиции французского народа, закрепленные в целой серии революций XVIII и XIX в., а также в период длительного эволюционного развития строя парламентской

демократии. Поэтому во Франции не действовали эффективные в условиях Германии методы обработки масс, применявшиеся там нацистами. Так, они с большим успехом использовали в целях вербовки безработных организацию для них бесплатных обедов. Дятели "Боевых крестов" попытались повторить эту практику и во Франции, но реакция масс безработных была абсолютно иной. С чисто галльским юмором рабочие съедали обед, а затем расходились с пенем "Марсельезы", а то и "Интернационала" и с криками "де ла Рока на виселицу!"

Значит ли это, что в 30-х гг. во Франции не было опасности реакционно-фашистского переворота? Нет, такая опасность сохранялась. Хотя переход верхов общества на позиции консервативного экстремизма был характерен для Франции в гораздо меньшей степени, нежели для Германии, некоторые группы крупного корпоративного капитала все же становились на позиции авторитаризма или даже тоталитаризма. Особенно выделялись среди них глава электрического треста Эрнест Мерсье и парфюмерный фабрикант Франсуа Коти, финансировавшие создание и деятельность Лиги франсисстов и "Французской солидарности". На эти же позиции становились влиятельные группы высшего военного командования.

Мятежные лиги пытались распространить свое влияние в различных массовых организациях. Они с успехом действовали, например, в "Национальном объединении бывших фронтовиков", в рядах которого насчитывалось до 1 млн человек. Многие из них выступали в поддержку агитации "Боевых крестов". Мятежные лиги пользовались влиянием и в так называемых "Крестьянских комитетах действий", которые объединяли не менее 2,5 млн сельских жителей, а также в рядах 700 тыс. членов "Национальной федерации налогоплательщиков".

В начале 30-х гг. во Франции создавалась своеобразная ситуация "разделения труда" между чисто фашистскими и реакционно-авторитарными организациями. Первые не имели массовой базы. Но в их распоряжении были мобильные вооруженные отряды. Путем проведения мятежных манифестаций и сознательного провоцирования уличных беспорядков они стремились создать в стране атмосферу неуверенности, тревоги, непрочности, запугать массы рядовых французов призраком анархии и гражданской войны. В этих условиях в роли спасителей Франции от братоубийственной междоусобицы должны были выступить более респектабельные авторитаристские организации во главе с "Боевыми крестами" с целью решительного натиска на парламент и проведения ревизии конституции Третьей республики в авторитарном духе.

* * *

Таким образом, уже в первой половине 30-х гг. во Франции назревала серьезная угроза реакционного переворота. Она еще более увеличивалась тем, что во главе французских правительств тех лет стояли представители правобуржуазных партий типа Андре Тардые или Пьера Лавалья, которые тоже выступали за ограничение парламентаризма и установление твердой власти. Но эти попытки вызывали сопротивление левых групп общества. Массовая база традиционных правобуржуазных партий стала стремительно сокращаться. С особой силой это отразилось на позициях "Республиканской федерации" - правоконсервативного объединения политических партий и групп, среди руководителей которых наиболее видную роль играл Луи Марэн. Но ослабление позиций почувствовали и лидеры "Демократического альянса" - правоцентристского объединения политических групп во главе с Полем Рейно. В условиях назревавшего политического кризиса начала 30-х гг. эти правобуржуазные политические группы только своими силами уже не могли удерживать власть.

Поэтому они стремились привлечь к совместному управлению страной единственную из буржуазных партий Франции, которая сохранила достаточно широкую социальную базу в массах средних слоев населения. Это была партия радикалов и радикал-социалистов, стоявшая на левоцентристских позициях. Однако в чрезвычайных условиях глубокого экономического кризиса начала 30-х гг. блок правобуржуазных партий и радикалов стал невозможен. В самом деле, проводить необходимую правым группам консервативную политику наступления на жизненный уровень народа и ограничения парламентской демократии радикалы не могли, ибо это грозило им потерей массовой базы. С другой стороны, идти влево, проводить демократические реформы и как-то ограничивать позиции крупного капитала радикалы боялись, так как в этом случае становился неизбежным разрыв с правобуржуазными партиями. Все это вызвало крайнюю неустойчивость правительственной власти во Франции. С октября 1929 г. до мая 1932 г., т.е. за два с половиной года, в стране сменилось 8 кабинетов, следовательно, средняя продолжительность существования каждого из них не достигала и четырех месяцев.

В 1932 г. во Франции была сделана попытка создания другой политической коалиции. Накануне происходивших в мае этого года парламентских выборов был воссоздан так называемый "левый блок", т.е. коалиция радикальной партии и СФИО. К тому времени во Франции уже был опыт деятельности "левого блока": в течение 1924-1926 гг. у руля управления страной одно за другим находилось несколько правительств партии радикалов, действовавших при поддержке СФИО, но без участия социалистов в правительстве. Будучи теперь воссозданным, "левый блок" одержал победу на выборах 1932 г. Было образовано новое правительство "левого блока" во главе с лидером радикалов Эдуардом Эррио, которое, как и в 1924 г., действовало при поддержке социалистической партии, но снова без ее участия в правительстве. Но в начале 1930-х гг. перед

правительством "левого блока" в еще более острой форме возникла та же альтернатива, которая раньше стояла перед одними радикалами: сдвиг вправо грозил ему утратой массовой базы, а проводить решительные демократические мероприятия в социальной области и радикалы и социалисты опасались. Поэтому после недолгого существования правительство Эррио в декабре 1932 г. ушло в отставку. Вслед за этим во Франции началась настоящая министерская чехарда: всего за 14 месяцев, с декабря 1932 г. до февраля 1934 г., в стране сменилось 5 кабинетов, средний срок каждого из которых не достигал и трех месяцев. Неустойчивость государственной власти во Франции еще более усилилась.

Эта все большая неустойчивость власти, неспособность буржуазных правительств принять эффективные меры для преодоления экономического кризиса, падение авторитета традиционных партий - все это искусно использовалось реакционно-фашистскими силами. В 1933 г., после победы нацизма в Германии, реакционная антипарламентская пропаганда во Франции стала особенно разнузданной. Реакционно-фашистские группы начали активную подготовку к государственному перевороту.

Удобный предлог для перехода в решительное наступление они нашли в так называемом "деле Стависского". В конце 1933 г. были разоблачены аферы крупного спекулянта, выходца из Восточной Европы, акклиматизировавшегося во Франции, Александра Стависского, который путем ряда жульнических операций вроде выпуска фальшивых акций, сумел неплохо поживиться. В самом по себе факте разоблачения афер Стависского не было ничего экстраординарного. Но дело в том, что в этих аферах оказались замешанными некоторые видные политические деятели, которые за крупные взятки либо прямо способствовали спекулятивным махинациям Стависского, либо закрывали глаза на них. Так или иначе причастными к этим мошенническим операциям оказались ряд депутатов парламента, префект парижской полиции Кьяпп, а также некоторые лица, близкие к тогдашнему премьер-министру радикалу Камиллу Шотану (в частности, его брат). Было начато судебное разбирательство, но с помощью высоких покровителей оно затянулось. Когда же скандал замять не удалось, Стависский, отправившийся тем временем на зимний курорт, был найден мертвым. Официальному сообщению о том, что он покончил жизнь самоубийством, мало кто верил.

Реакционные силы умело использовали разразившийся скандал. Скрывая факты причастности к аферам Стависского деятелей правых партий, они обвинили радикалов, стоявших тогда во главе правительства, в продажности. Спекулируя на чувствах разорившихся акционеров, реакционно-фашистские группы начали массовую кампанию за замену "прогнившего парламентаризма" твердой властью, за изгнание воров из всех органов власти, за кардинальную ревизию конституции Третьей республики. В течение всего января 1934 г. на улицах Парижа чуть ли не ежедневно проводились массовые демонстрации, шумные марши

военизированных мятежных лиг. Они привели к первому успеху реакционеров: 27 января 1934 г. премьер-министр Шотан подал в отставку.

Во главе нового правительства был поставлен другой видный лидер радикалов - Эдуард Даладье. В состав этого правительства было предложено войти некоторым представителям правых кругов, близких к Тардье, но в то же время с подобным предложением Даладье обратился и к нескольким молодым политикам из левого крыла радикалов, в частности к Пьеру Коту. Через несколько дней, 3 февраля, было объявлено о смещении Кьяппа с поста префекта парижской полиции.

Эти правительственные распоряжения еще более обострили политическую обстановку. Реакционно-фашистские группировки перешли от слов к делу. 6 февраля 1934 г. в Париже была предпринята попытка реакционно-экстремистских организаций из всех районов французской столицы направиться к зданию парламента. Наиболее воинственным было поведение членов различных мятежных лиг, которые, собравшись на площади Согласия, пытались прорваться по мосту через Сену к фасаду здания парламента. В отряд полицейских, охранявший подступы к Бурбонскому дворцу, полетели камни, куски асфальта, обломки чугунных решеток. Ножам, привязанными к палкам, мятежники резали сухожилия лошадям конной полиции. На прилегающих к площади улицах они били витрины магазинов, громили автобусы и газетные киоски.

Охрана действовала крайне осторожно. Но вечером из толпы мятежников раздались пистолетные выстрелы, после чего они попытались прорваться ко дворцу. Полицейская охрана вынуждена была прибегнуть к оружию. Завязалось настоящее сражение, в ходе которого с обеих сторон были убитые и раненые. На некоторых улицах Парижа произошли вооруженные столкновения мятежников с наскоро сформированными рабочими отрядами.

Депутаты парламента от правых партий требовали немедленной отставки правительства Даладье, обвиняя его в расправе над мирными демонстрантами. Однако предложенный правыми вотум недоверия кабинету был отвергнут большинством палаты депутатов. Попытки мятежников прорваться к зданию парламента были отбиты.

Мятежные демонстрации возобновились и на следующий день. Однако характерно, что бесчинствовали главным образом члены шумных мятежных лиг типа "Французской солидарности" или вооруженных отрядов "Action Française". Колонны "Боевых крестов", находившиеся на Бургундской площади, в тылу здания парламента, во время решительных схваток на мосту перед Бурбонским дворцом сохраняли выжидательную позицию. Де ла Рок отказался от прямого штурма.

На этом основании правая печать, а затем и многие консервативные и либеральные историки и социологи утверждали, что 6 февраля 1934 г.

вообще не было никакого путча, а были стихийные мирные демонстрации жителей столицы, возмущенных политикой правительства и предпринявших попытку штурма Бурбонского дворца только после стычек с полицией. Из этих рассуждений делался вывод, что миф о путче 6 февраля 1934 г. был сознательно раздут левыми кругами.

Однако этот вывод неверен. В феврале 1934 г. во Франции действительно существовал заговор реакционно-фашистских сил. В нем было как бы два слоя заговорщиков. Один из них составляли члены военизированных мятежных лиг, шумные манифестации и бесчинства которых имели своей целью создание обстановки чрезвычайности, анархии и беспорядка. Второй слой заговора должны были составить действия "Боевых крестов", которые намеревались использовать созданную мятежными лигами чрезвычайную обстановку для оказания давления на парламент с целью отставки правительства и передачи власти новому, чрезвычайному органу власти - чему-то вроде "директории". В "пятерку" будущих диктаторов предполагалось включить маршала Петэна, Андре Тардые, Пьера Лавалья, бывшего президента Франции Гастона Думерга, занимавшего этот пост в 1924-1931 гг., и бывшего социалиста Адриена Марке.

В полной мере заговор реакции не осуществился. Но все же мятежные демонстрации 6-7 февраля 1934 г. возымели определенный успех. Под истерические вопли правой прессы, возложившей ответственность за расстрел "мирных" демонстрантов на премьер-министра Даладые и министра внутренних дел Эжена Фро, правительство поддалось шантажу реакционеров и уже 7 февраля ушло в отставку, несмотря на то что оно несколько раз за эти дни получало вотум доверия в палате депутатов.

9 февраля 1934 г. было образовано новое правительство. Во главе его был поставлен деятель правого крыла партии радикалов Гастон Думерг. Важные посты в нем заняли представители правобуржуазных партий, в том числе все те, кого вдохновители мятежа планировали включить в состав "директории". Но в то же время в состав нового правительства вошли официальный лидер партии радикалов Эдуард Эррио и несколько его сторонников. Это дало возможность новому премьеру представить сформированный им кабинет как правительство "национального единения". Но на самом деле в февральские дни 1934 г. во Франции произошел существенный сдвиг вправо. Об этом свидетельствовала официальная правительственная декларация, в которой говорилось о необходимости жестких мер по оздоровлению экономики и финансовой системы страны. С этой целью выдвигалось требование предоставления правительству чрезвычайных полномочий, и прежде всего права принимать срочные меры по сокращению бюджетного дефицита посредством так называемых "декретов-законов", т.е. правительственных распоряжений, имевших силу закона и лишь позже ставившихся на одобрение парламента.

Уже в начале апреля 1934 г. появились первые 14 декретов-законов. За счет повышения ставок подоходного налога и его распространения на самые низкодоходные группы населения предполагалось увеличить поступления в государственный бюджет. Одновременно с целью сокращения государственных расходов объявлялось о сокращении на 10% числа государственных служащих и об уменьшении жалования остальным, о сокращении субсидий на цели социального страхования, снижении пенсий ветеранам войны и заработной платы железнодорожникам. Эти жесткие меры еще более ухудшили положение широких масс населения.

В первые же месяцы своей деятельности правительство Думерга начало также усиленную разработку проектов реформ конституции Третьей республики, стремясь к перестройке политической системы Франции в авторитарном духе.

Одновременно продолжала возрастать численность реакционных антипарламентских группировок, усиливались их нападки на демократические институты французского общества. Особенно быстро росла численность "Боевых крестов", в которых насчитывалось в 1934 г. несколько сот тысяч членов.

Следовательно, реакционно-фашистская опасность во Франции отнюдь не исчезла после первой попытки антипарламентского путча. Напротив, она сохранялась и даже усиливалась.

* * *

Как же вели себя в феврале 1934 г. и в последующие месяцы две рабочие партии Франции? В дни февральского путча обе партии - и СФИО и ФКП - заняли четкие антифашистские позиции. Рабочие, шедшие за ними, уже 6-7 февраля участвовали в ряде районов Парижа в схватках с мятежниками. И в парламенте, и вне его обе партии требовали решительных мер для отпора фашизму. Уже 6 февраля 1934 г. делегация левых социалистов вручила редакции "Юманите" письмо с предложением немедленно начать переговоры между СФИО и ФКП, чтобы создать "неприступную крепость против фашистского натиска". Руководство СФИО объявило партию мобилизованной. Оно назначило на 8 февраля массовую антифашистскую демонстрацию, но так как в эти дни правительственным распоряжением всякие демонстрации были запрещены, оно отменило свое решение до встречи с новым премьер-министром. В этих действиях французских социалистов явно просматривалась аналогия с курсом лидеров германской социал-демократии, ориентировавшихся не на массовую антифашистскую борьбу, а на действия буржуазного правительства. Подобную ориентацию в дни февральского путча избрали и лидеры СФИО, не учитывая, что после отставки кабинета Даладье во Франции обозначился явный сдвиг вправо.

Еще более крупные ошибки совершили в дни февральского путча французские коммунисты. Правда, руководство ФКП призывало в эти дни к решительной, бескомпромиссной борьбе против фашизма. Но в соответствии с официальным стратегическим курсом Коминтерна французские коммунисты утверждали, что борьба против фашизма - это и борьба против капитализма. Поэтому они выдвигали лозунг власти Советов, лозунг борьбы против правительства Даладье как правительства "фашизирующей демократии". Более того, 7 февраля 1934 г. газета "Юманите" на первой же странице поместила призыв: "Долой правительство убийц, Даладье и Фро - в тюрьму!". Достаточно поставить вопрос, в кого стреляли полицейские, охраняя правительство Даладье как правительство буржуазно-демократической парламентской республики, чтобы понять, вместе с кем объективно оказывались коммунисты.

Письмо левых социалистов руководство ФКП безоговорочно отвергло. В его ответном заявлении говорилось: "Как можно устанавливать единство действий с теми, кто поддерживает правительство, когда оно сокращает заработную плату? С теми, кто покидает позицию классовой борьбы ради сотрудничества с буржуазией в защите капиталистического строя, готовя тем самым во Франции дорогу фашизму?"

Здесь четко просматривалась аналогия с тем курсом, которым шло в 1932 г. руководство КПГ.

Но все же конкретная обстановка, сложившаяся во Франции в 1934 г., конкретный опыт политической борьбы, а также постепенное осмысление причин трагического исхода борьбы рабочих партий Германии шаг за шагом приближали обе рабочие партии Франции к более верной оценке политической ситуации в стране и к выдвиганию единственно верного курса антифашистской борьбы.

В рядах СФИО немалую роль в этом играли левые социалисты. Постепенно шла и переориентация Французской коммунистической партии. Уже в февральские дни в агитации ФКП звучали призывы к единству действий, правда, пока только снизу, с рядовыми социалистами. Но лозунг "Будем бороться вместе" находил широкий отклик в массах рабочих.

В отличие от СФИО ФКП не отказалась от идеи проведения массовой антифашистской демонстрации. Она назначила ее на 9 февраля 1934 г., призвав к участию в ней всех рабочих, в том числе и рядовых социалистов. Этот шаг ФКП заставил и руководство Социалистической партии поддержать идею антифашистской демонстрации, но оно назначило ее проведение на 12 февраля. Тогда руководство ФКП заявило, что оно поддерживает призыв лидеров СФИО и рассматривает демонстрацию 9 февраля как подготовку к акции, назначенной на 12 февраля.

9 февраля 1934 г. под руководством ФКП была проведена массовая антифашистская демонстрация. На улицы Парижа, не считаясь с объявленным правительством запретом демонстрации, вышло около 50

тыс. человек, среди которых были не только коммунисты, но также социалисты и члены руководимой ими Всеобщей конфедерации труда. Произошли серьезные столкновения с полицией, которая стреляла в демонстрантов. Были убитые и раненые. Демонстрация 9 февраля, первое крупное массовое выступление против фашизма во Франции, подготовила успех крупных событий, развернувшихся 12 февраля 1934 г.

В этот день по всей стране были проведены массовые антифашистские забастовки и демонстрации, в которых приняло участие около 4,5 млн человек. Рабочих энергично поддержали многие мелкие торговцы, ремесленники и другие представители средних слоев. В Париже на демонстрацию вышло свыше 150 тыс. человек, ее поддержали не только СФИО и ФКП, но и партия радикалов. Передовые представители французского народа сказали в этот день свое веское "нет" фашизму.

После февральских демонстраций 1934 г. началось постепенное сближение позиций двух рабочих партий Франции. С помощью нового руководства Коминтерна во главе с Георгием Димитровым Французская коммунистическая партия стала постепенно преодолевать сектантско-догматические позиции коммунистического движения. По инициативе Мориса Тореза были сделаны первые решительные шаги к отказу от прежнего сектантского курса на немедленную социалистическую революцию и к выработке реалистического стратегического курса на борьбу против реакции и фашизма, на защиту и укрепление парламентской демократии. Руководство ФКП отказалось от оценки социал-демократии как "социал-фашизма", от попыток достижения единства действий с рядовыми социал-демократами через голову ее лидеров и на условиях компартии. Вместо этого ФКП взяла курс на достижение единства действий со СФИО.

В свою очередь руководство социалистической партии стало постепенно пересматривать свои негативные оценки компартии. В ряде районов страны стали устанавливаться более тесные связи и единство действий местных организаций СФИО и ФКП. На съезде СФИО в мае 1934 г. более трети делегатов проголосовало за установление единства действий с компартией.

Первая официальная встреча руководства двух рабочих партий Франции состоялась 11 июня 1934 г. В ней участвовали Морис Торез и Бенуа Фрашон, один из лидеров руководимой компартией профсоюзного объединения - Унитарной всеобщей конфедерации труда, от ФКП, и Леон Блом и Жан Жиромский, лидер социалистической организации Парижского района, от СФИО.

Начавшиеся переговоры завершились 27 июля 1934 г. пактом о единстве действий СФИО и ФКП в борьбе против реакции и фашизма, за разоружение и роспуск мятежных лиг, в защиту демократических свобод, против реакционного курса политики правительства Думерга.

Заключение пакта о единстве действий двух рабочих партий стало исходным пунктом борьбы за единство рабочего класса, за профсоюзное единство. Переговоры между двумя профсоюзными центрами - ВКТ во главе с Леоном Жуо и УВКТ во главе с Бенуа Фрашоном и Люсьеном Ракамоном - о преодолении раскола профсоюзного движения Франции и об объединении двух профсоюзных центров шли трудно и продолжались долго. Лишь в марте 1936 г., после того как на местах все активнее шел процесс объединения социалистических и коммунистических профсоюзных организаций, было наконец достигнуто решение о создании объединенной Всеобщей конфедерации труда, а руководители УВКТ вошли в состав руководства ВКТ.

Первые успехи в деле объединения рабочего класса, достигнутые в 1934 г., открыли путь к созданию антифашистского Народного фронта.

Опыт Германии показал, насколько важна роль средних слоев населения в условиях роста фашистской опасности. Ведь именно они стали главной социальной базой нацистской партии. Во Франции удельный вес мелкобуржуазных слоев города и деревни был еще более высоким, нежели в Германии. Из 21 млн самостоятельного населения Франции 7,5 млн человек, т.е. около одной трети, составляли представители средних слоев. Для успеха борьбы против реакции и фашизма крайне необходимо было привлечь средние слои и их политического представителя - партию радикалов - к союзу с рабочим классом и рабочими партиями.

Ведущую роль в постановке и осуществлении этой задачи сыграла ФКП. Впервые лозунг Народного фронта был выдвинут в речи Мориса Тореза 10 октября 1934 г., в которой он заявил, что "перед лицом фронта реакции и фашизма необходимо создать Народный фронт свободы, труда и мира".

В конце 1934-го - первой половине 1935 г. французские коммунисты добились первых важных успехов в деле создания местных комитетов Народного фронта, вовлечения в них рабочих, мелких торговцев и ремесленников, крестьян. Постепенно в эту работу включились различные демократические организации - молодежные, женские, спортивные, просветительские. Большую роль играли и группы прогрессивной интеллигенции.

Настроения средних слоев, их отклик на призывы к единству действий с рабочим классом не могли не учитывать лидеры партии радикалов. В ее составе оформилась группа "молодых радикалов", в которую вошли Пьер Кот, Жан Зей, Пьер Мендес-Франс. Ее все чаще стал поддерживать и Эдуард Даладье. Все это и обусловило постепенный сдвиг в позиции радикальной партии.

Руководство СФИО поначалу очень настороженно отнеслось к идее Народного фронта и к установлению совместно с ФКП союза с радикалами. Оно решительно выступало против создания выборных комитетов Народного фронта.

Однако конкретный опыт борьбы за единство преодолевал взаимные предрассудки и недоверие левых партий. Особенно важную роль в этом сыграли первые успешные совместные действия трех левых партий на выборах в местные органы власти в конце 1934-го - начале 1935 г., когда была применена так называемая тактика "республиканской дисциплины", т.е. совместное решение о снятии на втором туре голосования своих кандидатов в пользу кандидатов той партии, которые в первом туре получали наибольшее относительное число голосов.

Самым ярким примером успеха этой тактики явились муниципальные выборы в одном из округов Парижа в мае 1935 г. Наибольшее относительное большинство голосов в первом туре этих выборов получил профашистский деятель, президент Национального объединения бывших фронтовиков Лебек, участник путча 6 февраля 1934 г. До абсолютного большинства ему не хватило только 26 голосов. Но во втором туре все три левые партии - ФКП, СФИО и радикалы - выставили единого кандидата - близкого к СФИО профессора Риве, который одержал победу над Лебеком. Профессор Риве стал фактически "первым кандидатом, избранным от имени Народного фронта".

В течение 1935 г. Народный фронт был организационно оформлен. 30 мая 1935 г. состоялось первое совместное заседание парламентских фракций ФКП, СФИО и радикалов. От имени ФКП М. Торез выступил на этом заседании с заявлением о возможности поддержки компартией в случае победы левых партий на очередных выборах правительства из радикалов, социалистов и близких к ним групп, если оно будет проводить политику защиты интересов народа, отстаивания демократии, борьбы против всевластия крупного капитала, реакции и фашизма. Совместное заседание парламентских фракций поставило задачу сплочения всех левых групп в твердое республиканское большинство.

Следующим шагом на пути к организационному оформлению Народного фронта стали массовые демонстрации 14 июля 1935 г., в день национального праздника Франции. В них участвовало свыше 2 млн человек. В Париже, на стадионе Буффало, в этот день состоялся массовый слет сторонников Народного фронта, проведенный по решению трех левых партий. Вступительную речь на этом слете произнес левый радикал, представитель Лиги прав человека Виктор Баш. Он заявил: "Подобно тому как почти 150 лет назад, 14 июля 1789 г., народ Парижа разрушил королевскую крепость Бастилию, народ Франции сейчас готов взять штурмом оставшиеся Бастилии - Бастилию фашизма, Бастилию злодейских чрезвычайных законов, Бастилию нищеты, Бастилию монополий, Бастилию войны".

На митинге участники слета сторонников Народного фронта дали торжественную клятву. Торжественно и грозно зазвучали ее слова: "От имени всех партий и групп, защищающих свободу, от имени рабочих и крестьян, от имени народа Франции мы, представители и доверенные лица

народа, одушевленные одной и той же волей - дать хлеб трудящимся, работу молодежи и мир всему человечеству, - даем торжественную клятву оставаться едиными и сплоченными в целях разоружения и роспуска мятежных фашистских лиг, защиты и расширения демократических свобод и обеспечения всеобщего мира".

Над рядами участников слета развевались трехцветные знамена Французской республики и красные знамена пролетариата, плыли торжественные звуки "Марсельезы" и грозные раскаты "Интернационала". Это символизировало союз рабочего класса и средних слоев Франции в борьбе против реакции и фашизма.

Наконец, важнейшим этапом в организационном оформлении союза трех левых партий стали разработка и принятие программы Народного фронта.

В ходе обсуждения основ программы развернулась острая дискуссия между ФКП и СФИО. Представители ФКП предлагали включить в программу Народного фронта лишь непосредственные демократические требования, вокруг которых можно было объединить самые широкие слои народа: отмену чрезвычайных декретов, роспуск фашистских мятежных лиг, сохранение и расширение демократических свобод. Компартия предлагала принять выборный принцип формирования местных комитетов Народного фронта, а затем созвать общенациональный конгресс Народного фронта. Это могло бы подкрепить достигнутое единство сверху единством снизу, создать прочную организационную основу Народного фронта.

Руководство СФИО заявило, однако, что такая программа Народного фронта недостаточна, она слишком умеренна. Она неприемлема для СФИО, ибо в ней ничего не говорится о "конечной цели - достижении социализма", в ней нет ни единой "реформы социалистического характера".

Поэтому в противовес проекту ФКП СФИО выдвинула программу "структурных реформ", "социализации основных средств производства", т.е. национализации банков, страховых компаний и крупных промышленных предприятий, "для постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое". Лидеры Социалистической партии решительно выступили и против выборности комитетов Народного фронта. Вместо этого они предлагали принцип делегирования в эти комитеты в центре и на местах представителей партий, входящих в Народный фронт.

Между ФКП и СФИО развернулись острейшие споры. Руководство компартии заявило, что у него есть много принципиальных возражений против предлагаемого лидерами социалистов пути к социализму, причем эти возражения касаются не только неприемлемого для ФКП эволюционного пути к социализму, но и конкретных предложений СФИО о принципах управления национализированными отраслями экономики

неким верховным органом из представителей предпринимательских объединений, торговцев, крестьян, профсоюзов, потребительских кооперативов. Коммунисты рассматривали такую систему управления как что-то напоминающее корпоративный строй.

Но главное не в этом, говорили представители ФКП. Морис Торез справедливо упрекнул деятелей СФИО: "Мы предложили вам нашу программу непосредственных требований и не предлагаем принимать программу Коминтерна. Вы же предлагаете нам вашу партийную программу".

Но самое главное, говорили лидеры ФКП, заключается не в оценке программы, предложенной руководством СФИО. Она, бесспорно, идет гораздо дальше программы непосредственных требований. Но она абсолютно неприемлема для радикалов, убежденных защитников частной собственности. Поэтому принятие такой программы приведет к краху Народного фронта.

В ходе длительного обсуждения различных проектов был создан своеобразный тактический блок ФКП и радикалов против максималистской сектантской позиции СФИО. В конечном счете этот блок одержал победу. В январе 1936 г. программа Народного фронта была утверждена всеми его участниками.

Каково же было содержание программы Народного фронта? Экономический раздел программы Народного фронта предусматривал прежде всего проведение ряда важных мер в интересах рабочего класса. Среди них были:

- основание национального фонда помощи безработным и создание на средства государства широкой сети общественных работ;
- сокращение максимальной продолжительности рабочей недели без сокращения заработной платы;
- установление ежегодного, оплачиваемого за счет предпринимателей отпуска для рабочих и служащих;
- обязательное заключение коллективных договоров между профсоюзами и предпринимателями;
- увеличение пенсионных выплат.

В том же экономическом разделе программы Народного фронта выдвигались и важные требования в пользу средних слоев населения. Наиболее важными в их числе были:

- отмена чрезвычайных декретов, принятых в апреле 1934 г. правительством Думерга;
- установление государством твердых цен на сельскохозяйственные продукты;
- снижение налогового обложения мелких собственников города и деревни;

- отсрочка уплаты долгов и запрещение принудительной распродажи имущества крестьян, ремесленников и мелких торговцев за неуплату долгов и налогов.

Наконец, экономический раздел программы Народного фронта предусматривал проведение ряда важных антимонополистических реформ. К их числу относились:

- реформа Французского банка и превращение его из частного акционерного общества в агентство, контролируемое государством;
- национализация военной промышленности;
- коренная реформа налоговой системы с целью перенесения основной тяжести налогового обложения на крупных собственников.

Второй, политический раздел программы Народного фронта предусматривал следующие меры:

- амнистию политическим заключенным;
- разоружение и роспуск фашистских мятежных лиг;
- обеспечение демократических свобод;
- продление срока обязательного школьного обучения всех детей до 14-летнего возраста;
- создание парламентской комиссии для обследования положения народов французских колоний;
- принятие эффективных санкций против агрессоров в рамках международного сотрудничества под эгидой Лиги Наций;
- создание системы коллективной безопасности в Европе.

Принятие программы Народного фронта стало крупной победой прогрессивных сил страны в борьбе за демократию, против сил реакции и фашизма. Важнейшую конструктивную роль в этом сыграла Французская коммунистическая партия, которая, учтя трагический опыт Германии, сумела предложить реалистическую программу единых действий всех левых групп французского общества. Ради достижения этой цели лидеры ФКП шли на необходимые компромиссы. Так, по упорному настоянию руководства СФИО ФКП вынуждена была отказаться от принципа выборности комитетов Народного фронта. Это, бесспорно, ослабило Народный фронт, что, как мы увидим, очень неблагоприятно сказалось в дальнейшем. Но ФКП шла на этот компромисс ради сохранения единства левых сил в основных вопросах политического курса.

Жизнь подтвердила правильность политической линии, взятой участниками Народного фронта. Это со всей очевидностью показали парламентские выборы, проведенные двумя турами 26 апреля и 3 мая 1936 г. Избирательная кампания проходила в обстановке острой политической борьбы. Правобуржуазные партийные блоки - Республиканская федерация и Демократический альянс - приложили немало усилий, чтобы оторвать радикалов от рабочих партий. С этой целью они систематически стремились доказать "неестественность союза старого демократического Фауста с марксистским Мефистофелем".

Реакционно-фашистские группы прибегали в борьбе против левых партий и к методам террора. Так, 13 февраля 1936 г. отрядом "королевских молодчиков" был жестоко избит и опасно ранен Леон Блом, возвращавшийся поздней ночью с заседания палаты депутатов. Жизнь лидера СФИО была спасена только группой строителей, вышедших ранним утром на работу и доставивших его в больницу.

Выборы 1936 г. окончились крупной победой Народного фронта. За его кандидатов голосовали 5629 тыс. избирателей - 57% общего числа участвовавших в выборах, в то время как кандидаты правых партий получили 4234 тыс. голосов, или 43% принявших участие в голосовании. В палате депутатов партии Народного фронта обеспечили себе 375 мест из 612. Больше всего мандатов получила СФИО - 149, за нею шли радикалы, завоевавшие 109 мандатов, и ФКП, получившая 72 места. Остальные левые группы, примыкавшие либо к СФИО, либо к радикалам, заняли 45 мест. Особенно крупным был успех компартии, которая обладала до выборов 1936 г. всего 10 местами в палате депутатов, а на этих выборах получила 1469 тыс. голосов, т.е. 12,5% общего числа участвовавших в голосовании.

Победа партий Народного фронта поставила вопрос об образовании правительства Народного фронта. Его формирование было поручено лидеру СФИО Леону Блому. Он в свою очередь предложил всем участникам Народного фронта, в том числе и ФКП, принять участие в правительстве. И это был не какой-либо маневр лидеров СФИО, а их действительное намерение. В статье в центральном органе партии газете "Попюлер" 12 мая 1936 г. Л. Блом писал: "Одержанная Народным антифашистским фронтом победа не была бы полной, если бы коммунисты не были вместе с нами в осуществлении функций завоеванной власти. Разочарование в случае отказа ФКП было бы велико и в наших рядах, и вне их".

В руководстве ФКП развернулась дискуссия по вопросу о реакции на предложение лидера СФИО. Часть членов ЦК ФКП, в том числе М. Торез, высказались за вступление в правительство Народного фронта, ибо это формируемое правительство будет опираться на массовое народное движение и на прогрессивную программу действий. Сторонники участия ФКП в этом правительстве указывали на ряд явных преимуществ этого для компартии. В этом случае она могла оказывать влияние на политику правительства не только извне, но и изнутри, что позволило бы ей добиться максимального осуществления программы Народного фронта. Кроме того, своим участием в правительстве коммунисты могли бы доказать конструктивную роль ФКП в созидательной деятельности на благо народа и в защите национальных интересов Франции на международной арене перед лицом фашистских агрессоров.

Но другая часть лидеров ФКП выступила против участия в правительстве Л. Блома. Эти возражения высказывались ими не по принципиаль-

ным соображениям, ибо принципиальная возможность создания правительства Народного фронта с участием коммунистов была признана в 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна и решение этого вопроса в каждом отдельном случае было не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности. Поэтому противники вступления ФКП в правительство Народного фронта указывали на то, что это может иметь серьезные негативные последствия. Прежде всего представители ФКП будут меньшинством в этом правительстве, поэтому они могут оказаться "пленниками" партнеров по Народному фронту. Среди избирателей ФКП могут возникнуть чрезмерные надежды на реформы сверху, что может ослабить борьбу и давление снизу. Наконец, противники коммунистов в этом случае будут не без успеха запугивать избирателей "красной опасностью".

Доводы и сторонников и противников участия ФКП в правительстве Народного фронта были достаточно весомыми и основательными. Поэтому в тот период было трудно решить, кто из них прав.

Руководство Исполкома Коминтерна поддержало противников участия ФКП в правительстве Народного фронта. 11 мая 1936 г. Г. Димитров заявил от имени ИККИ: "Если бы победа Народного фронта была более разительной, если бы еще большие массы были объединены вокруг него, если бы социалисты и коммунисты имели крепкое большинство в парламенте, можно было бы создать коммунистическо-социалистическое правительство. Но такого прочного большинства нет. Правительство не может обойтись без радикалов и других групп. Участие ФКП напугало бы радикалов, стало бы сигналом для фронтальной атаки реакционеров против правительства Народного фронта".

В конце мая 1936 г. пленум ЦК ФКП принял решение - воздержаться от вступления в правительство Народного фронта, но в то же время со всей решимостью поддерживать его в деле осуществления программы Народного фронта. Впоследствии руководство ФКП считало это решение ошибочным. По словам Жака Дюкло, в случае вступления в правительство ФКП могла бы оказывать большее влияние на политику правительства Л. Блюма, а отказ ФКП от участия рассматривался многими избирателями как маневр компартии, как стремление поставить интересы партии выше задачи реализации программы Народного фронта. Вероятно, в этих рассуждениях есть рациональное зерно. Но, как показало будущее, даже участие ФКП в правительстве Народного фронта в положении меньшинства вряд ли что изменило бы в действиях и судьбе этого правительства.

Правительство Народного фронта из социалистов, радикалов и примыкающих к ним групп было сформировано 4 июня 1936 г., сразу после созыва нового состава парламента. До этого в течение целого месяца после выборов действовало прежнее правительство радикала А. Сарро.

Уже в эти недели во Франции развернулось массовое движение рабочих за осуществление программы Народного фронта. В середине мая началась волна забастовок, которая достигла максимума в начале июня 1936 г. Она охватила все районы страны и все отрасли промышленности. В ней участвовало не менее 2 млн человек, причем среди участников были не только промышленные рабочие, но и торгово-банковские служащие, печатники, фармацевты, портные, работники сферы обслуживания.

Стачечники использовали новые формы борьбы: они не покидали территорию предприятий. При этом они проявляли исключительную дисциплинированность, внутри предприятий поддерживался образцовый порядок. Рабочим сочувствовали мелкие торговцы, которые в кредит отпускали им продовольствие. В цехах организовывались бесплатные концерты артистов. Часто над бастующими фабриками развевались красные флаги. Все это оказывало сильнейшее психологическое влияние на хозяев предприятий. Один из современников отмечал: "Руководителям предприятий, директорам казалось, что они живут в нереальном мире, в кошмаре".

Крупный капитал охватила паника. Это заставило правительство Народного фронта сразу же перейти к активным действиям.

7 июня 1936 г. в отеле "Матиньон", в резиденции главы правительства, при посредничестве Леона Блюма была проведена встреча представителей Всеобщей конфедерации труда и общенационального объединения предпринимателей - Всеобщей конфедерации французского производства. Были выработаны так называемые Матиньонские соглашения. В них предусматривалось прежде всего общее повышение заработной платы в среднем на 12%, причем для наиболее низкооплачиваемых категорий, для женщин, молодежи повышение заработной платы должно было составить от 30 до 50%. В соглашении содержалось также положение об обязательности заключения коллективных договоров профсоюзов с предпринимателями. Для контроля за этим создавался институт делегатов персонала, который имел право осуществления своих функций в рабочее время.

Вслед за этим 11-12 июня 1936 г. парламент принял ряд важных законов:

- вводился обязательный ежегодный двухнедельный отпуск для рабочих и служащих с сохранением заработной платы за счет предпринимателей;

- законодательно оформлялось право на заключение коллективных договоров;

- устанавливалась 40-часовая рабочая неделя без сокращения заработной платы.

В течение июня-августа 1936 г. появилась новая серия законов парламента:

- одобрены ассигнования на цели проведения широкой сети общественных работ для безработных;

- отменены чрезвычайные декреты правительства Думерга;
- повышены жалованье государственных служащих и пенсии ветеранов войны;
- в пользу крестьян создано Национальное зерновое управление и введены твердые цены на сельскохозяйственную продукцию, а также установлены семейные пособия для сельских жителей;
- введены льготные условия кредита для мелких торговцев и ремесленников и запрещена распродажа за долги их имущества.

Наконец, в последующие месяцы 1936 г. была проведена налоговая реформа, которая вводила повышенное налоговое обложение крупных доходов и наследств, превышавших 75 тыс. франков, а также частичная национализация предприятий военной промышленности. Кроме того, была осуществлена реформа Французского банка, который был поставлен под государственный контроль, и создана Национальная служба железных дорог. Наконец, был принят закон о запрещении и роспуске военизированных мятежных лиг.

Предпринятые правительством Народного фронта активное государственное регулирование экономики и широкие демократические реформы создали во Франции особую, радикально-демократическую модель государственного регулирования.

Действия правительства Народного фронта вызвали огромный энтузиазм народа. Это и понятно: ведь принятые им меры вели к реальному улучшению положения трудящихся. Сотни тысяч рабочих впервые в жизни могли позволить себе отдых у моря или в горах, отправиться в туристические поездки. Резко усилились позиции профсоюзов на предприятиях. Оценивая победы Народного фронта, левый радикал Пьер Кот говорил: "Народный фронт пробудил душу народа. Во всей истории Третьей республики не было более благородного периода, чем боевые дни Народного фронта".

Лето 1936 г. стало настоящим апогеем Народного фронта. 14 июля по всей Франции вновь прошли массовые демонстрации. В Париже в них участвовало до 1 млн участников. Во главе колонны, взявшись за руки, шли лидеры партий Народного фронта - Леон Блюм, Поль Фор, Леон Жуо, Эдуард Даладье, Морис Торез, Марсель Кашен. Выступавшие на митинге выражали надежду на дальнейший прогресс Народного фронта.

В выступлении Виктора Баша говорилось: "В течение шести недель Народный фронт осуществил наиболее неотложные требования трудящихся классов. Социальной справедливости стало намного больше... И мы начинаем надеяться, что, если Народный фронт останется единым... то огонь - сейчас все еще слабый - превратится в гигантское пламя".

* * *

Однако эти надежды не осуществились. Вскоре начался застой в развитии Народного фронта, а затем и его упадок. Через два с половиной года - в конце 1938 г. - Народный фронт прекратил существование. Встает вопрос: почему? Что это - результат отдельных ошибок партий, входивших в состав Народного фронта?

Бесспорно, были и ошибки, и немалые. Но все же главное в другом, в действии объективных факторов. Поэтому упадок, а затем и распад Народного фронта в сложившейся во второй половине 30-х гг. политической ситуации были неизбежными. Каковы же эти факторы?

Главным из них была очень быстрая утрата единства партий Народного фронта. Сразу же начались серьезные разногласия между ними. Особенно остро они проявлялись в сфере финансово-экономической политики правительства Народного фронта.

Народный фронт с энтузиазмом был поддержан французским народом. Но тем яростнее против него выступил крупный корпоративный капитал. Сразу же начался саботаж законов, принятых летом 1936 г. Предприниматели дезорганизовывали производство, отказывались от заключения коллективных договоров, увольняли профсоюзных активистов.

Очень эффективным средством саботажа стало так называемое "бегство капиталов", т.е. их перевод в иностранные банки. Это отнимало ресурсы, необходимые для инвестиций в промышленность, обескровливало денежный рынок, подрывало платежный баланс. Изъятие капиталов из банков началось еще в мае-июне 1936 г. По данным министра финансов социалиста Венсана Ориоля, за короткий срок было изъято из французской финансовой системы около 60 млрд франков, из них переведено за границу 26 млрд франков. Всего же за 1936-1937 гг. за границу было переведено не менее 100 млрд франков.

Уже летом 1936 г. резко сократился золотой запас Французского банка. Он составил 55 млрд франков, тогда как в 1934 г. он был равен 82 млрд франков. Все это привело к быстрому сокращению ресурсов казначейства: в июне 1936 г. они упали до 10 млрд франков. И в то же время принятие обширной программы общественных работ, расширение системы социального страхования, новые государственные кредиты на осуществление многочисленных социальных реформ, напротив, настойчиво требовали значительного увеличения государственных расходов. В первые же дни деятельности правительства Народного фронта его ежедневные расходы составляли не менее 200 млн франков, а в последующем возросли еще более. Возник и все более возрастал дефицит бюджета.

Вставал главный вопрос: как его преодолеть? Где взять средства для осуществления программы Народного фронта? Наиболее радикальный ответ на этот вопрос давала Французская коммунистическая партия: заставить платить богачей.

В соответствии с этим ФКП выступила с проектом коренной налоговой реформы. Она предусматривала введение прогрессивного налогообложения крупных состояний в размере 5% с имуществ свыше 1 млн франков с последующим повышением ставок до 25% с состояний свыше 50 млн франков. Она предлагала также введение чрезвычайного налога на крупные доходы в размере 1% на доходы свыше 100 тыс. франков и 4% на доходы, превышавшие 1 млн франков. Наконец, проект налоговой реформы, предложенной коммунистами, предусматривал запрет "бегства капиталов" и введение судебного преследования за нарушение этих норм.

Проведение налоговой реформы в целях перекладывания основной тяжести налогообложения на состоятельные слои населения предусматривалось, как мы уже говорили, в официальной программе Народного фронта, но налоговые меры, предпринятые летом 1936 г., были намного скромнее, чем налоговый проект ФКП.

Проект коренной налоговой реформы, выдвинутой коммунистами, исходил из защищаемой ими с 1936 г. стратегической линии. ФКП рассматривала Народный фронт как объединение не только с программой антифашистской демократической борьбы, но и с программой антимонополистической борьбы. Более того, проведение антимонополистических реформ рассматривалось лидерами ФКП как первый шаг на пути превращения Народного фронта в своеобразную форму революционно-демократической власти (или, по формуле В. И. Ленина, "революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства"), в своеобразную форму народной демократии как первого этапа на пути к социалистической революции.

Конечно, лидеры ФКП понимали, что во Франции 30-х гг. для такой эволюции Народного фронта условий не было. Но проведение решительных антимонополистических реформ, по их мнению, с течением времени могло подготовить эти условия.

Совершенно ясно, что предложенный руководством ФКП курс финансово-экономической политики был абсолютно неприемлем для ее союзников по Народному фронту - ни для радикалов, ни для социалистов. Радикалы как партия, представлявшая интересы мелкой и средней буржуазии, категорически возражали против этого курса, рассматривая его как покушение на частную собственность.

Но против этого курса решительно возражали и лидеры СФИО. Эти возражения исходили из принципиальных установок Л. Блюма как представителя центристских групп Рабочего социалистического интернационала. В отличие от деятелей правого крыла РСИ, Л. Блом четко разделял стратегическую линию СФИО на два этапа: первый - этап "исполнения власти" в рамках капитализма (самостоятельно или в союзе с левобуржуазными партиями), и второй этап - этап будущего "революционного завоевания власти" рабочим классом.

В понимании Л. Блюма правительство Народного фронта должно было сосредоточить свои усилия на "исполнении власти", ибо условий для "революционного завоевания власти" им нет. Об этом Л. Блом четко заявил на съезде СФИО в начале июня 1936г: "Мы - социалисты, но страна не дала на выборах большинства Социалистической партии. Она не дала большинства даже всем пролетарским партиям, вместе взятым. Она дала большинство Народному фронту. Мы - правительство Народного фронта, а не правительство Социалистической партии. Наша цель сейчас заключается не в том, чтобы изменить социальный строй. Мы даже не собираемся проводить в жизнь программу Социалистической партии. Наша цель - выполнение программы Народного фронта".

Эти рассуждения Л. Блюма были совершенно верны. Их правоту признавали и лидеры ФКП. Но вставал вопрос: а что значит "выполнение программы Народного фронта"? Руководство ФКП считало, что это значит проводить не только антифашистские, но и антимонополистические реформы, тем более что некоторые из таких реформ предусматривались и в официальной программе Народного фронта, а это означает идти по пути углубления реформ.

Руководство СФИО, напротив, отрицало антимонополистическую направленность проводимых правительством реформ. Утверждалось, что правительство Народного фронта действует в рамках "существующих учреждений существующего общества", что оно стремится добиться большего благосостояния в стране путем добровольного сотрудничества всех социальных групп.

В соответствии с этим в сфере финансово-экономической политики был взят курс на завоевание доверия состоятельных слоев населения. Правительство Л. Блюма пыталось проводить традиционный курс финансово-экономической политики, рассчитанный на поощрение производственных инвестиций с целью подъема промышленного производства, роста доходов и создания достаточных фондов казначейства при сохранении "справедливой налоговой системы". Чтобы помешать "бегству капиталов", были приняты традиционные меры: повышена учетная ставка Французского банка с 3 до 5% и введены льготные условия государственных внутренних займов.

Однако в 1936 г. эти традиционные меры оказались неэффективными. Почему? В какой-то мере это зависело от того, что сохранялась кризисно-депрессивная обстановка в стране. Объем промышленного производства в 1936 г. составил всего лишь 77% от докризисного уровня, т.е. лишь немногим выше уровня 1935 г., когда был достигнут апогей экономического кризиса во Франции. В этих условиях побудительные мотивы для производственных инвестиций, а значит и заинтересованность предпринимателей в льготном кредите, были невысоки.

Но все же главная причина неэффективности правительственных мер финансово-экономической политики была в другом. И отказ предприни-

мателей от производительных капиталовложений, и продолжение "бегства капиталов" происходили не столько по экономическим, сколько по политическим причинам. Крупный капитал стремился торпедировать Народный фронт, опорочить его в глазах средних слоев, оторвать радикалов от союза с ФКП и с СФИО. В условиях продолжавшегося "бегства капиталов" повышение учетной ставки вело лишь к удорожанию кредита, росту цен и сокращению производительных капиталовложений.

В этой обстановке правительство Л. Блюма, испытывая острую нужду в финансовых средствах и отказываясь от налоговых проектов ФКП, пошло на единственно возможное для него средство - в сентябре 1936 г. была проведена девальвация франка, сокращение его золотого содержания на 30%. Правительство пошло на проведение этой меры, рассчитывая, что девальвация франка стимулирует экспорт, будет содействовать росту производства, сокращению безработицы и улучшит финансовое положение государства. Но эти расчеты не оправдались. Вывезенные за границу капиталы остались в иностранных банках. Возрос бюджетный дефицит, государственный долг увеличился за один год на 16 млрд. франков. Крайне неблагоприятным следствием этого был сильный рост внутренних цен, что фактически свело на нет проведенное летом 1936 г. повышение заработной платы.

Нарастание финансовых трудностей искусно использовалось правобуржуазными силами для агитации против правительства Народного фронта. Они обвиняли правительство Л. Блюма в том, что проведенные им социальные реформы резко увеличили бюджетный дефицит, а повышение заработной платы сократило экспортные возможности французской промышленности. Из этого делался вывод, что политика правительства Народного фронта потерпела крах, а значит, надо резко изменить правительственный курс, оздоровить финансовую систему, восстановить доверие владельцев капиталов, сократить бюджетный дефицит за счет снижения уровня социальных расходов.

К агитации правобуржуазных партий все чаще стали присоединяться и деятели правого крыла радикальной партии. Под их влиянием в феврале 1937 г. Л. Блюм объявил о "передышке" в осуществлении программы Народного фронта во имя стабилизации положения в стране.

Но нарастание трудностей продолжалось. Для осуществления самых необходимых социально-экономических программ до конца 1937 г. необходимо было изыскать по меньшей мере 30 млрд франков.

В этой ситуации в июне 1937 г. Л. Блюм потребовал предоставления правительству чрезвычайных полномочий. Было предложено ввести ряд косвенных налогов и с этой целью увеличить размеры почтово-телеграфных тарифов, а также установить некоторые прямые налоги. За счет этого предполагалось получить 5 млрд франков. Предполагалось, кроме того, ввести строгий контроль за переводом капиталов за границу и потребовать от владельцев промышленных предприятий обязательно вкладывать часть своих прибылей в развитие производства.

Хотя коммунисты все время выступали против чрезвычайного законодательства и против увеличения налогообложения трудящихся, парламентская фракция ФКП поддержала проект чрезвычайного законодательства, предложенный Л. Блюмом, ибо он был рассчитан на укрепление позиций правительства Народного фронта. Палата депутатов одобрила план Л. Блюма. Однако сенат, в котором позиции партий Народного фронта были гораздо слабее, отверг этот план. Палата депутатов во второй раз приняла предложение Блюма, но сенат снова отказался согласиться с этим. Нападки правобуржуазных кругов на Народный фронт еще более усилились.

Для правительства Блюма еще оставались возможности продолжать борьбу. Ведь большинство в палате депутатов было готово в третий раз одобрить проект Блюма. В случае нового отказа сената правительство могло пойти на самые решительные меры вплоть до роспуска парламента и назначения новых выборов. Однако Л. Блюм не решился пойти по этому пути. 22 июня 1937 г. он объявил о своей отставке, оправдывая это решение тем, что борьба против сената стала бы "революционной борьбой" и привела бы к "социальной смуте" в стране.

После отставки Блюма было создано новое правительство во главе с радикалом Камиллом Шотаном. Состав нового правительства мало изменился: 27 из 33 членов правительства Блюма вошли в состав кабинета Шотана, а сам Л. Блюм занял в нем пост вице-премьера. Поэтому официально кабинет Шотана оставался правительством Народного фронта.

Но на самом деле произошел явный сдвиг вправо. Пост премьер-министра перешел от социалиста к радикалу. Более того, важный пост министра финансов был передан правому радикалу Жоржу Боннэ, решительному противнику Народного фронта. Произошли и крупные изменения в правительственном курсе. В официальном заявлении нового правительства премьер-министр Шотан дал понять, что он намерен добиваться примирения с сенатом на условиях "паузы" в социальных реформах и будет осуществлять более консервативный курс финансово-экономической политики.

Шотан резко отмежевался от компартии. Еще до отставки Блюма, сразу же после выдвижения его предложения о чрезвычайных полномочиях, руководство ФКП впервые объявило о готовности коммунистов участвовать в правительстве Народного фронта "во имя спасения Франции, защиты демократии и мира". Лидеры ФКП повторили это предложение в беседе с Шотаном при формировании нового кабинета. Но им было заявлено, что "вопрос о включении коммунистов в правительство не является своевременным".

Хотя кабинет Шотана официально оставался правительством Народного фронта, его конкретная политика прямо противоречила программе Народного фронта. Новое правительство сразу же провело ряд чрезвычайных мер, на сей раз одобренных не только палатой депутатов, но и

сенатом. Они предусматривали увеличение налогов на 10,5 млрд франков, причем около двух третей этой суммы шло за счет ряда косвенных налогов. Кроме того, было объявлено о повышении железнодорожных тарифов и о проведении второй девальвации франка. Какого-либо ограничения "бегства капиталов" новые чрезвычайные меры не предусматривали.

Политика правительства Шотана еще более ухудшила положение широких масс населения. Положение обострилось и в связи с тем, что во второй половине 1937 г. начался новый экономический кризис, вновь приведший к сокращению промышленного производства и росту безработицы. В этих условиях нападки правых сил принимали все более ультимативный характер. Правые требовали отмены закона о 40-часовой рабочей неделе, отказа от других социальных реформ. Они заявляли о необходимости полного разрыва с ФКП, решительной борьбы против стачечников. Правительство Шотана осенью 1937 г. поддержало эти требования, идя тем самым на прямой отказ от программы Народного фронта. Но в ответ на это фракции ФКП и СФИО отказали Шотану в поддержке, и в январе 1938 г. он вынужден был уйти в отставку.

Таким образом, в 1936-1937 гг. в правительстве Народного фронта и в поддерживавших его политических партиях нарастали разногласия по вопросам социально-экономической и финансовой политики.

Но противоречия между партиями Народного фронта все более нарастали и по другим проблемам политической жизни Франции. Острейшие споры развернулись и по вопросу об отношении к реакционно-фашистским группировкам. Дело в том, что декретом 18 июня 1936 г. были запрещены лишь военизированные мятежные лиги, как это и предусматривалось программой Народного фронта. На основании этого декрета была прекращена деятельность Лиги франсисстов, Лиги патриотической молодежи и группы "Французская солидарность". Но ряд крупных политических организаций реакционно-экстремистского толка, и прежде всего, "Боевые кресты", поспешившие переменить свое официальное название и объявившие себя Французской социальной партией, на законном основании продолжали функционировать и еще более активизировали свои действия. Резко увеличилась численность ФСП: по ее данным, в ней было в 1937 г. 2 млн членов. Хотя эти данные явно преувеличивали число последователей партии де ла Рока, бесспорно, что Французская социальная партия стала крупной политической силой.

Традиционные правобуржуазные партии немало содействовали этому. Еще осенью 1936 г. правая печать развернула яростную кампанию по дискредитации министра внутренних дел социалиста Роже Салангро, который как раз и руководил проведением декрета о запрете мятежных лиг. Против Салангро были выдвинуты лживые обвинения в том, будто бы он дезертировал из армии в годы первой мировой войны, хотя на самом деле было известно, что он попал тогда в плен. Решением парламента обвинения против него были признаны беспочвенными. Но

доведенный до тяжелого нервного расстройства этой клеветнической кампанией Роже Салангро в ноябре 1936 г. покончил жизнь самоубийством.

Наиболее реакционные политические круги в 1936-1937 гг. уже не удовлетворяла сравнительно осторожная линия "Боевых крестов", выставивших напоказ свою аполитичность и умеренность. Они готовы были поддержать таких деятелей реакционно-экстремистского толка, которые способны были начать прямолинейную фронтальную атаку на парламентский режим Третьей республики. Эти потребности и попытка удовлетворить новая, чисто фашистская организация - Французская народная партия, которая возникла в июне 1936 г. Ее возглавил ренегат компартии, бывший член ЦК ФКП Жак Дорио, исключенный из партии за фракционную деятельность. В отличие от партии де ла Рока, остававшейся на позициях авторитаризма, Французская народная партия взяла на вооружение идеи тоталитаризма. Она требовала коренной реформы государственного строя в целях создания твердой власти и установления корпоративной системы. Для неё была в гораздо большей степени, нежели для других реакционно-экстремистских организаций, характерна социальная демагогия, подаваемая в духе антимонополизма и пропаганды "подлинного социализма, вернувшегося к истокам национального духа".

Партия Дорио превратилась в "самую сильную и хорошо организованную" правозэкстремистскую группировку. В 1937 г. она выступила с инициативой объединения всех реакционно-фашистских сил в так называемый "Фронт свободы". На этот призыв откликнулись лишь группы, связанные с правобуржуазной Республиканской федерацией, и последователи П. Теттенже. Однако партия де ла Рока отказалась присоединиться к этому блоку. В какой-то мере это объяснялось тем, что ее отпугивали широко применявшиеся Французской народной партией погромно-террористические методы действия.

В 1937 г. развернула активные подрывные действия еще одна реакционно-экстремистская группа. Это было так называемое "Социальное движение революционного действия" во главе с морским инженером Эженом Делонклем, которое объединило ряд экстремистских группировок реакционного офицерства, действовавших под покровительством таких виднейших представителей высшего военного командования Франции, как маршалы Петэн и Франше д'Эспере.

Организация Делонкля, членам которой современники дали название "кагуляров", вступила на путь подготовки реакционного государственного переворота. Осенью 1937 г. был организован ряд поджогов и взрывов в зданиях Всеобщей конфедерации французского производства. Реакционные круги сразу же обвинили в этом левые силы, прежде всего коммунистов.

Руководство ФКП и Всеобщей конфедерации труда в своих официальных заявлениях указали на истинных организаторов погромно-террористических актов. Заговор кагуляров был раскрыт. Начавшиеся

аресты руководителей заговорщиков раскрыли многочисленные склады оружия, готовившегося для реакционного военного переворота.

Представители левых сил требовали от правительства полного запрета всех реакционно-фашистских организаций, привлечения к суду де ла Рока и Дорно, а также представителей экстремистских военных кругов. Однако представители радикалов в правительстве Народного фронта выступили против этого, утверждая вслед за правобуржуазными партиями, что столь решительные меры против ультраправых групп будут "ущемлением демократии и гражданских свобод". Особенно четко выразил эту точку зрения правый радикал Альбер Сарро. Он заявил: "Закон для радикалов - это высшее правило. Они не позволили улице диктовать свою волю, когда ее занимали мятежные лиги. Они не потерпят диктатуры улицы и теперь, когда политическая окраска захвативших ее людей изменилась".

Нерешительная, колеблющаяся позиция правительственных кругов вызывала недовольство левых сил французского общества.

Наконец, третьим важнейшим пунктом непримиримых разногласий между партиями Народного фронта был вопрос о нарастании угрозы фашистской агрессии со стороны Германии и Италии. Во второй половине 30-х гг. международная напряженность все более возрастала. Отказ нацистской Германии от ограничений Версаля, гонка вооружений, создание агрессивного блока Германии, Италии и Японии, наконец, прямая вооруженная помощь Германии и Италии реакционно-фашистскому мятежу в Испании - все эти агрессивные акты фашистских держав вызвали законную тревогу прогрессивных сил. Левые круги французского общества требовали от правительства оказания помощи республиканской Испании, активных действий, направленных на введение эффективных международных санкций против агрессоров, создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Важную роль в требованиях левых сил занимал вопрос о дополнении франко-советского Договора о взаимной помощи, заключенного в мае 1935 г., военной конвенцией. Авангардную роль в этой борьбе занимали коммунисты.

Однако и правительство Блюма, и тем более правительство Шотана проводили другой внешнеполитический курс. Они активно участвовали в политике "невмешательства" в испанские дела, в политике "умиротворения" агрессоров, надеясь на достижение компромисса с Германией. Естественно, что это вызывало еще большее расхождение в позициях партий Народного фронта.

* * *

В 1938 г. обозначились явные признаки кризиса Народного фронта. Уже в январе этого года, после отставки кабинета Шотана, была предпринята попытка формирования нового правительства во главе с правым радикалом Жоржем Боннэ, одним из инициаторов перехода к

консервативному курсу финансово-экономической политики, стороннику политики "умиротворения" фашистских агрессоров.

Но против этой попытки решительно выступили не только ФКП, но и СФИО, а также профсоюзы ВКТ. Тогда формирование нового кабинета вновь было поручено Леону Блюму. Фракция ФКП заявила о готовности коммунистов разделить правительственную ответственность. Но, соглашаясь на это предложение ФКП, Блом выдвинул идею создания "национального объединения вокруг Народного фронта", которое включило бы и правоцентристские силы, т. е. Демократический альянс. Иными словами, предлагалось пойти на создание коалиции "от Тореза до Рейно". П. Рейно в свою очередь потребовал привлечь к участию в коалиции Республиканскую федерацию, т. е. откровенно консервативные, а то и реакционные силы. Лидеры ФКП отвергли эти притязания и заявили о своей готовности участвовать в правительстве только в том случае, если оно будет действовать на основе программы Народного фронта. Но на это ответили отказом правоцентристские силы. В результате проект Блома провалился.

Формирование правительства после этого было поручено К. Шотану. Но на сей раз кабинет был сформирован без участия СФИО, что стало новым сдвигом вправо. Правда, правительство Шотана существовало недолго: в марте 1938 г., после новой попытки добиться чрезвычайных полномочий, оно ушло в отставку.

В марте 1938 г. было сформировано новое правительство Л. Блома. Правые силы, соглашаясь с этим, фактически делали ставку на провал действий этого кабинета, на то, что он не справится с решением тех острейших проблем, которые поставили перед страной новый экономический кризис и резкое усиление международной напряженности. Леон Блом ответил на это новой попыткой создать коалицию "национального единения", на сей раз "от Мориса Тореза до Луи Марэна", под эгидой социалистической партии. Идея привлечь к управлению страной реакционные силы была скептически встречена в общественных кругах. Английский публицист Александр Верт в своей очередной книге язвительно комментировал этот проект Блома так: "Парламентские остряки этого периода отмечали, что если дела и дальше пойдут таким образом, то шестой кабинет Народного фронта будет состоять из Тардые, Лавалья и кагуляров".

Новый проект лидера СФИО провалился так же, как и предыдущий.

Тогда была сделана попытка воссоздания кабинета Народного фронта во главе с Л. Бломом из представителей СФИО и радикалов при поддержке ФКП, т. е. в том же составе, что и первый кабинет, созданный в июне 1936 г. В начале апреля 1938 г. Блом выдвинул чрезвычайную программу финансовых мер, рассчитанную на преодоление глубокого финансового кризиса. В этой программе предусматривалось введение налога на крупный капитал в размере от 4 до 17%, выпуск государственных займов и установление контроля за переводом капиталов за границу.

Чрезвычайные меры были утверждены палатой депутатов, но вновь заблокированы сенатом. 10 апреля 1938 г., сразу же после решения сената, Л. Блюм подал в отставку.

В эти первые месяцы 1938 г. Французская коммунистическая партия значительно усилила свою агитационную деятельность. Она резко критиковала консервативный курс финансово-экономической политики правительства и его отказ от решительной борьбы с реакционно-фашистскими силами внутри страны и с угрозой фашистской агрессии на международной арене. Компартия настаивала на полном осуществлении всех пунктов официальной программы Народного фронта. Более того, лидеры ФКП считали, что обстановка требует расширения и углубления программы Народного фронта. С этой целью коммунисты выдвинули требования включить в нее такие пункты, как национализация ряда крупнейших корпораций, имеющих общенациональное значение, установление народного контроля над банками, проведение кардинальной налоговой реформы, прямой запрет "бегства капиталов", запрещение всех реакционно-фашистских организаций.

Парламентская фракция ФКП вновь предложила свое участие в правительстве Народного фронта. Для укрепления его позиций она считала необходимым провести выборы местных комитетов Народного фронта, а затем созвать Национальный конгресс этого народного объединения. В то же время фракция ФКП стремилась во что бы то ни стало сохранить существующие правительства Народного фронта, не раз голосовала за доверие кабинетам Л. Блюма и К. Шотана, стремилась побудить их к активным действиям.

Однако новые предложения ФКП были категорически отвергнуты радикалами, а к ним фактически присоединились и социалисты. Почему?

Прежде всего, под влиянием агитации правобуржуазных кругов изменилась позиция радикалов, усилилась их оппозиция продолжению сотрудничества с ФКП. Лидеры СФИО тоже склонялись к этой же линии. Их не устраивали ни новые радикальные предложения коммунистов, ни планы создания выборных комитетов Народного фронта.

Но в 1937-1938 гг. сказывалось и решительное ослабление позиций ФКП. В какой-то мере это объяснялось определенным разочарованием народных масс недостаточной эффективностью существующих правительств Народного фронта. Поддерживая эти правительства, коммунисты разделяли ответственность за их политику. К тому же в конце 30-х гг. обозначился определенный спад массового движения.

Но главной причиной ослабления позиций ФКП было крайне неблагоприятное влияние событий, происшедших в 1936-1938 гг. в Советском Союзе, где в условиях полностью сложившегося тоталитарного режима шло подавление демократии, развернулись массовые репрессии. Позорные судебные процессы 1936-1938 гг. резко изменили настрой большинства общественного мнения Франции по отношению к СССР.

Трагедия французских коммунистов заключалась в том, что они вынуждены были поддерживать все действия ВКП(б) и правительства СССР, безоговорочно одобряемые руководством Коминтерна, полностью подчиненного сталинскому диктату.

Что делали сталинские подручные даже по отношению к тем всемирно известным деятелям культуры, если они проявляли критическое отношение к “достижениям победившего социализма”, - показывал пример крупнейшего французского писателя Андре Жида. Встреченный в Москве приветствиями на самом высоком уровне, он внезапно превратился в “агента мирового империализма”, стоило ему по возвращении во Францию опубликовать честный репортаж о негативных чертах советской действительности.

А уж по отношению к деятелям коммунистического движения и даже к целым компартиям применялись самые жестокие меры. Достаточно привести пример роспуска компартии Польши и уничтожения всего ее руководства в 1938 г.

В этих условиях становилось достаточно убедительным утверждение правых сил о том, что ФКП – это “орудие Москвы”, что Советский Союз после сталинской расправы над виднейшими руководителями Красной Армии – это “колосс на глиняных ногах”.

Период с апреля до ноября 1938 г. стал периодом глубокого кризиса и распада Народного фронта. В апреле 1938 г. было сформировано правительство Э. Даладье из радикалов и ряда представителей Демократического альянса. Лидер этой правоцентристской группировки П. Рейно стал министром юстиции. Ось правительства резко сдвинулась вправо: вне кабинета остались слева СФИО и ФКП, а справа - только Республиканская федерация.

Это был крупный шаг к разрыву с Народным фронтом, хотя радикалы еще говорили о его сохранении. Именно поэтому почти все левые парламентские фракции голосовали за доверие кабинету Даладье, рассчитывая на то, что они смогут влиять на политику правительства через официально сохранившийся Народный фронт.

Однако первые же шаги нового кабинета показали, что им был взят курс на постепенный отказ от программы Народного фронта. Добившись предоставления чрезвычайных полномочий, правительство Даладье повысило налоговое обложение трудящихся, провело новую, уже третью девальвацию франка, попыталось ревизовать закон о 40-часовой рабочей неделе и обрушилось с репрессиями на стачечников.

Осенью 1938 г. был нанесен смертельный удар Народному фронту. Даладье стал участником позорного Мюнхенского сговора, отдавшего Чехословакию на растерзание гитлеровским агрессорам. При обсуждении Мюнхенского соглашения в парламенте против него выступила только фракция ФКП, все же остальные фракции, включая СФИО, поддержали это соглашение. Против этого голосовали 75 человек. Это были 73 коммуниста, социалист Буйе и правый националист Анри де Кериллис,

представитель немногочисленной в тот период группы националистически настроенных правых деятелей, поддерживавших идею создания коалиции против фашистской Германии с участием в этой коалиции Советского Союза. Обосновывая свою позицию, Анри де Кериллис заявил в своей речи при голосовании этого вопроса в палате депутатов: “Уверяю вас, дорогие коллеги по правому лагерю, что режим Советской России является для меня столь же отталкивающим, как и для вас. Но когда речь идет об оценке постоянных законов внешней политики моей страны, я не позволяю буржуа говорить во мне громче, чем патриоту”.

Однако осенью 1938 г. такая позиция среди политических деятелей Франции была исключением. После Мюнхена наступил полный развал Народного фронта. В ноябре 1938 г. партия радикалов приняла решение о выходе из его рядов. За этим последовала серия чрезвычайных мер, идущих вразрез с программой Народного фронта. Последствия такого хода событий оказались губительными для самого режима Третьей республики. Не прошло и двух лет, как Франция пала жертвой гитлеровского нашествия.

* * *

Почему же Народный фронт во Франции потерпел крах?

Это объяснялось прежде всего происшедшим во второй половине 30-х гг. поворотом вправо радикалов и социалистов, ослаблением позиций ФКП, усилением наступления правых сил и ослаблением сопротивления широких масс населения натиску реакции.

Немалую роль сыграли и организационные слабости Народного фронта, отсутствие сети местных комитетов, в результате чего Народный фронт стал лишь верхушечным объединением, а не крепкой массовой организацией французского народа.

Крайне неблагоприятной была в конце 30-х гг. международная обстановка. Несмотря на нарастание фашистской угрозы, сохранялись сильные пацифистские иллюзии, стремление сохранить мир любой ценой. В этих условиях выступления ФКП против Мюнхена осенью 1938 г. были непопулярными.

Тем не менее в исторической перспективе несомненно большое принципиальное значение Народного фронта и его позитивная роль в истории Франции. В 30-х гг. он помог отбить наступление реакции и фашизма, отстоять режим парламентской демократии во Франции. Деятельность правительств Народного фронта обеспечила крупные демократические завоевания французского народа во всех областях жизни. Эти завоевания уже невозможно было отменить даже в самые трудные периоды жизни Франции. Они стали основой для борьбы прогрессивных сил этой страны за расширение социальных реформ и укрепление политической демократии, развернувшейся после второй мировой войны.